

“Soviet Pushkin” in Latin America: How to Translate the Myth? Dovlatov’s “Pushkin Hills” in Brazil and Argentina

Yulia I. Mikaelyan

MGIMO UNIVERSITY

76, prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia

Abstract. . The article aims to analyze the translations of Sergei Dovlatov’s novella “Pushkin Hills” into Spanish (Argentine national version) and Portuguese (Brazilian national version). In both countries, the translations were published in 2016; these were the first publications of Dovlatov’s works in a separate book in Latin America. Based on the comparative text analysis within the communicative-functional approach framework, the strategies of translating the novella as a “text of culture” according to the concept of Yury Lotman are investigated, taking into account its inherent intertextuality and allusions to the figure of the poet Alexandre Pushkin and the Soviet Pushkin myth. According to the myth, which had developed by the 1970s, Pushkin appears in the mass consciousness as an ideal man with an impeccable biography, whose facial features and program works are well known to any Soviet schoolchild. In Dovlatov’s work, the Pushkin Museum-Reserve appears as a kind of the “Soviet Pushkin” pantheon, which has little to do with the real poet, and where staff and tourists bow before Pushkin with an almost religious fervor. The main instrument of the Soviet myth’s deconstruction is the author’s irony, which appeals to implicit knowledge, absent in the bearer of another culture. Such semantic load makes the translator’s task much more difficult.

Due to the peculiarities of the comic effects associated with Pushkin’s myth, as well as the focus of the author’s irony on the recipient of the translation, the popular strategy of domestication, i.e. adapting humor to the culture of translation, turns out to be inapplicable. As demonstrated by the analysis, despite the ignorance of the original text’s culture realities by native speakers of different cultures, the translators managed to largely convey the linguistic and cultural uniqueness of the novella thanks to the preface, introducing the reader to Pushkin’s myth, and comments.

Keywords: S. Dovlatov, Russian literature, humorous prose, translation studies, translation strategies, intertext, Pushkin’s myth

For citation: Mikaelyan Yu.I. (2024). “Soviet Pushkin” in Latin America: how to translate the myth? Dovlatov’s “Pushkin Hills” in Brazil and Argentina. *Linguistics & Polyglot Studies*, 10(4), pp. 89–100. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2024-4-41-89-100>

«Советский Пушкин» в Латинской Америке: как перевести миф? О переводах повести С. Довлатова «Заповедник» в Бразилии и Аргентине

Ю.И. Микаэлян

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России,
119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76

Аннотация. Статья посвящена анализу переводов повести Сергея Довлатова «Заповедник» на испанский (аргентинский национальный вариант) и португальский (бразильский национальный вариант) языки, выполненных аргентинскими и бразильскими переводчиками соответственно. В обеих странах переводы книги были опубликованы в 2016 году, это были первые публикации произведений Довлатова отдельной книгой на латиноамериканском континенте. Стратегии перевода в работе исследуются на основе сопоставительного анализа исходного текста и текстов перевода в рамках коммуникативно-функционального подхода. В то же время, учитывая присущую повести интертекстуальность и насыщенность аллюзиями на фигуру поэта А.С. Пушкина и советского мифа о Пушкине, оказывается возможен её анализ как текста культуры в соответствии с концепцией Ю.М. Лотмана. Согласно советскому мифу о поэте, который сложился к 70-м гг. прошлого века, Пушкин предстаёт в массовом сознании как идеальный человек с безупречной биографией, чьи черты лица, а также строки из программных произведений хорошо известны любому советскому школьнику. В произведении Довлатова пушкинский музей-заповедник предстаёт своеобразным пантеоном «советского Пушкина», имеющим мало отношения к реальной фигуре поэта, в котором сотрудники и туристы преклоняются перед «солнцем русской поэзии» с почти религиозным рвением. Главным инструментом деконструкции «советского» пушкинского мифа в тексте служит авторская ирония, нередко апеллирующая к имплицитным знаниям русского (или советского) читателя, которые отсутствуют у читателя-носителя другой культуры. Подобная смысловая нагруженность повести значительно усложняет задачу переводчика.

В силу особенностей комических эффектов, связанных с пушкинским мифом в заповеднике, а также ориентированности авторской иронии на получателя перевода, популярная стратегия доместикации, то есть адаптации юмора под культуру перевода, оказывается неприменима в процессе перевода. Как продемонстрировал проведённый анализ, несмотря на то, что из-за незнания носителями разных культур реалий культуры исходного текста часть авторского замысла всегда теряется в переводе, переводчикам удалось в значительной мере передать языковое и культурное своеобразие повести благодаря предисловию, знакомящему читателя с пушкинским мифом, и комментариям.

Ключевые слова: С. Довлатов, русская литература, юмористическая проза, переводоведение, интертекст, стратегии перевода, Пушкинский миф

Для цитирования: Микаэлян Ю.И. (2024). «Советский Пушкин» в Латинской Америке: как перевести миф? О переводах повести С. Довлатова «Заповедник» в Бразилии и Аргентине.. *Филологические науки в МГИМО*. 10(4), С. 89–100. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2024-4-41-89-100>

1. Введение

В условиях глобального мира растёт актуальность исследований в области межкультурной коммуникации, и литература создаёт пространство для диалога между культурами, для обмена идеями и ценностями. Однако разница культур нередко не позволяет читателю уловить все оттенки смыслов и особенности авторского замысла оригинального произведения, и одной из задач художественного перевода становится адаптация текста перевода для наиболее адекватного его понимания иностранным читателем, с учётом разного культурного багажа и фоновых знаний.

Цель данной статьи – выявить оптимальные стратегии перевода произведений С. Довлатова на примере его повести «Заповедник» как «текста культуры», учитывая присущую ей интертекстуальность. Для этого необходимо исследовать механизмы деконструкции «советского» пушкинского мифа в повести С. Довлатова «Заповедник», выявив соответствующие интертекстемы. На основе сопоставительного анализа текстов в рамках коммуникативно-функционального подхода мы проанализируем некоторые стратегии перевода повести на аргентинский национальный вариант испанского языка и бразильский национальный вариант португальского языка, предпринятые переводчиками из Аргентины и Бразилии для сохранения и адекватной передачи заложенных автором смыслов.

«Заповедник» – это, возможно, одно из самых сложных для понимания иностранцами произведений писателя. Оно характеризуется глубокой интертекстуальностью, насыщенностью аллюзиями к ряду важнейших текстов русской культуры. Также усложняет перевод повести на иностранные языки и тесное переплетение в повествовании важнейших символов русской и советской культуры, без понимания и осознания которых читатель не способен понять многие шутки и уловить авторскую иронию, являющуюся визитной карточкой писателя – на специфическом юморе и тонкой иронии строится практически всё творчество С. Довлатова.

Поэтому многие исследователи считают повесть «Заповедник» одним из самых сложных и совершенных произведений писателя [7, с. 328]. В ней С. Довлатов перерабатывает собственный опыт работы экскурсоводом в музее-заповеднике «Пушкинские горы» в 1976–1977 гг., незадолго до эмиграции в США. В письме своему издателю, писателю И. Ефимову, говоря о замысле повести, Довлатов объяснял, что пытался «изобразить находящегося в Пушкинском заповеднике литературного человека, проблемы которого лежат в тех же аспектах, что и у Пушкина: деньги, жена, творчество и государство» [17, с. 233]. Страдающий от нехватки денег и невозможности публиковаться в СССР, будучи на грани развода с женой, персонаж Бориса Алиханова приезжает в Пушкинский заповедник, чтобы попытаться выйти хотя бы из творческого кризиса, и оказывается в «мавзолее» Пушкина [там же].

Главный герой, писатель-неудачник Алиханов, которого И.Н. Сухих называет автопсихологическим образом С. Довлатова [18, с. 51], обнаруживает в заповеднике своеобразный культ почитания, сложившийся вокруг советского мифа о Пушкине, и который не имеет ничего общего с реальной фигурой поэта. Таким образом, в повести предпринимается попытка деконструкции официального образа «советского Пушкина» в попытках найти «Пушкина настоящего». Тесная связь текста «Заповедника» с пушкинским текстом и мифом представляет отдельную сложность для понимания, поскольку, как правило, в большинстве случаев зарубежный читатель не обладает достаточными фоновыми знаниями, чтобы обнаружить в тексте авторские отсылки к фигуре поэта и его творчеству. Более того, само имя Пушкина часто оказывается неизвестно иностранцам, ведь для большинства зарубежных читателей по всему миру символами русской литературы являются Ф.М. Достоевский, Л.Н. Толстой и А.П. Чехов, а вовсе не Пушкин. Следует отметить, что случай А.С. Пушкина не уникален в истории мировой литературы: как правило, национальные поэты оказываются куда менее известны за рубежом, чем прозаики,

а поэту, по выражению В.В. Набокова, «всегда сложнее перейти национальные границы» [14, с. 507]. Это связано как с большей сложностью перевода поэзии по сравнению с прозой, так и, как правило, с меньшим кругом читателей.

Как отмечает К.И. Баймухаметова, адекватный художественный перевод ставит перед собой цель в точности передать содержание и форму подлинника, в том числе воспроизводя и особенности формы, или же создать на материале языка перевода их адекватные соответствия. Поэтому подлинно адекватным считается перевод, исчерпывающе передающий замысел автора в целом, а также все смысловые нюансы, и полноценно соответствующий исходному тексту формально и стилистически [3, с. 56–57].

В 2016 году переводы повести С. Довлатова «Заповедник» вышли в Бразилии [20] и в Аргентине [19]. Это были первые в Латинской Америке издания произведений С. Довлатова отдельной книгой. Анализ переводов на испанский (Аргентина) и португальский (Бразилия) языки показывает, что в переводе произведения, деконструирующего национальный миф, указанные К.И. Баймухаметовой критерии соблюдения крайне сложно, однако некоторые стратегии позволяют максимально передать оттенки смыслов и особенности авторского замысла оригинального произведения.

2. Деконструкция советского пушкинского мифа в повести «Заповедник»

Как отмечает литературовед и семиотик Б.М. Гаспаров, восприятие текстов А.С. Пушкина носителями русской культуры «неотделимо и от того, как они отложились в творческой памяти последующих русских писателей и поэтов и отпечатались в созданных ими текстах» [6, с. 186]. Так формируется смысловая среда, в которой существует феномен «пушкинского текста», представляющий своего рода «цитатный фонд» носителя русской культуры [11, с. 117].

Частью данного феномена является повесть С. Довлатова «Заповедник», учитывая присущую ей интертекстуальность. Интертекстуальность в данном исследовании мы трактуем в узком смысле, как «текстовую категорию, отражающую соотносённость одного текста с другими, диалогическое взаимодействие текстов в процессе их функционирования, обеспечивающее приращение смысла произведения» [1, с. 104].

Объектом авторской иронии в «Заповеднике» служит «официальный» советский пушкинский миф. Миф вокруг фигуры поэта начал складываться вскоре после его смерти на дуэли в 1837 году и окончательно сформировался к 70-м гг. прошлого века, когда «пушкинские формулы прочно вошли в национальный “набор” клишированных форм» [9, с. 5]. Одна из ярких характеристик советского мифа о Пушкине, которую подвергает критике Довлатов, – его идеологизированность: «советский Пушкин» представляется в массовом сознании как идеальный человек, великий гражданин и «жертва самодержавия» [там же, с. 16]. Следует отметить, что пронизанность идеологией в целом характерна для мифа. Так, российский филолог и историк культуры Е.М. Мелетинский в своей работе «Поэтика мифа» называет миф «первичной моделью идеологии» [12, с. 11]. Схожие идеи выдвигает и французский философ, литературовед и семиолог Р. Барт, утверждавший, что «миф трансформирует историю в идеологию», который также отмечает, что одна из целей мифа – это создание определённого образа реальности, который будет совпадать со стремлениями носителей мифологического сознания [2, с. 111].

Для анализа отражения советского мифа о Пушкине в повести «Заповедник» мы используем понятие «текст культуры», введённое Ю. М. Лотманом в рамках концепции семиотики культуры. Как отмечает учёный, «законы построения художественного текста суть законы построения культуры как целого. Это связано с тем, что сама культура может рассматриваться как сумма сообщений, которыми обмениваются различные адресанты (...) и как одно сообщение, отправляемое коллективным “я” человечества самому себе» [10, с. 175]. Согласно Лотману, текст не только порождает новые смыслы, но является «конденсатором культурной памяти»

[там же, с. 162], а тексты, образующие «общую память культурного коллектива, не только служат средством дешифровки текстов (...), но и генерируют новые» [там же, с. 675]. Безусловно, в этом отношении повесть «Заповедник» служит ярким образцом текста культуры.

С. Довлатов деконструирует советский миф о Пушкине, гиперболизируя его характерные черты. Так, биография поэта и его политические взгляды искажаются сотрудниками заповедника в соответствии с современной идеологией, и даже убийство Пушкина Дантесом на дуэли рассматривается как политический акт.

Пространство заповедника играет важную роль в конструкции пушкинского мифа. Здесь главный герой сталкивается с атмосферой фальши, театральной бутафории. Оказывается, что в имении нет практически ничего аутентичного, принадлежавшего пушкинской эпохе, кроме пейзажа, поскольку во время гражданской войны, в 1918–1922 гг., территория пушкинского имения и соседняя деревня были практически полностью разрушены, а дом, принадлежавший поэту, был снесён его сыном Григорием ещё в 1860 году [15, с. 21]. В этом «исторически недостоверном» пространстве сотрудники заповедника и туристы воспринимают Пушкина как религиозную святыню, а посетителей заповедника называют паломниками.

Мотив подмены, фальши становится одним из лейтмотивов повести, и автор с тонкой иронией разоблачает всю «пушкинскую атрибутику», где большинство музейных экспонатов и даже некоторые элементы пейзажа «оказываются симулякрами, (...) выдумками, выдающими себя за правду» [18, с. 134]. Как замечают Орлова и Петренко, «подлинный Пушкин оказался едва различим, скрытый за ложными знаками “ненастоящих” портретов, вещей-“новоделов”, декоративных валунов, гиперболизированных бакенбард и т. п.» [16, с. 40]. Сами сотрудники музея, главные почитатели и хранители пушкинского мифа, активно содействуют мифотворчеству, словно играя заданные роли в своей неистовой любви к «солнцу русской поэзии».

Одна из характерных особенностей пространства Пушкинского заповедника – это вездесущность поэта, доходящая до абсурда. По мере приближения героя к заповеднику появляется всё больше «пушкинских образов»: так, в кафе неподалёку от заповедника главного героя обслуживает официант, явно копирующий черты внешности поэта.

Подобная гиперболическая театральность позволяет американской исследовательнице творчества Довлатова Е. Янг назвать пушкинский заповедник в повести Довлатова Pushkinland, по аналогии с Disneyland [21, с. 114].

3. Пушкинский интертекст в повести Довлатова

Главным инструментом деконструкции «советского» пушкинского мифа служит авторская ирония. Как отмечают Н. А. Орлова и А. Ф. Петренко, именно смех, ирония главного героя становятся в повести «оружием, направленным на разрушение знаковой системы, сложившейся вокруг “официального” гения» [16, с. 40]. В создании комического эффекта очень важна роль советских реалий, символов, культурных кодов и мифов, существующих в русской и советской картине мира. Говоря о культуре, в данной работе мы используем термин в более широком, антропологическом значении, как «способ понимания мира и систему оттенков поведения и знаков», согласно определению писательницы, философа и антрополога С. Бойм [5, с. 5].

Поэтому для адекватной передачи в переводе культурной специфики повести «Заповедник» необходимо выявить интертекстемы, связанные с фигурой А.С. Пушкина и возникшим вокруг него в СССР мифом. В данном исследовании мы понимаем термин «интертекстема» как «сегмент содержательной структуры текста <...> вовлечённый в межтекстовые связи», согласно определению К. П. Сидоренко [13, с. 317].

«Пушкинский интертекст» в повести Довлатова присутствует на всех уровнях текста: тематическом, сюжетном и стилистическом. Текст «Заповедника» изобилует аллюзиями к биографии, внешности и произведениям Пушкина, скрытыми цитатами из его произведений. «Говорящие имена» носят жена Алиханова Татьяна и дочь Маша. В картине мира русскоязычного читателя образ Татьяны Лариной служит одним из символов романтической любви, а имя Маша

в контексте пушкинского мифа сразу вызывает в памяти героинь романа «Дубровский» и повести «Капитанская дочка». Чертами пушкинских героев наделены многие персонажи «Заповедника». Например, образ алкоголика Михал Иваныча, одновременно жестокого и благородного, перекликается с образом кузнеца Архипа из романа «Дубровский» [18, с. 140].

Именно поэтому, говоря об интертекстуальности повести «Заповедник», О.В. Богданова и Е. А. Власова отмечают, что «интертекстема “пушкинский заповедник” изначально программирует экспликацию отлитературных связей и параллелей, затекстовых аллюзий и реминисценций, внутритекстовых отсылок и цитаций, (...) а priori настраивая на множественность литературных перекличек» [4, с. 16].

Очевидно, что далеко не все смыслы и аллюзии, заложенные автором, могут раскрыться для неподготовленного читателя, в том числе и носителя русской культуры. Для создания комического эффекта автор часто обращается к феноменам и маркерам русской (или советской) культуры, хорошо знакомым русским читателям. Поэтому самыми сложными для перевода юмористической прозы С. Довлатова оказываются фрагменты, где юмор и комизм строится на имплицитных знаниях читателя, носителя русской культуры.

Подобная культурная обусловленность повести как на уровне повествования, так и на собственно текстовом, вызывает сложности для перевода, поскольку для сохранения авторского замысла и адекватной передачи смысла на языке перевода необходимо так или иначе контекстуализировать иностранного читателя, не обладающего необходимыми фоновыми знаниями, которые есть у носителей русской культуры.

4. Приёмы контекстуализации иностранного читателя в переводах «Заповедника» на испанский (аргентинский национальный вариант) и португальский (бразильский национальный вариант) языки

Следует отметить, что лексема «заповедник» также оказывается культурно маркированной. Само понятие литературно-мемориального музея-заповедника можно отнести к прецедентным феноменам советской культуры. И.Н. Сухих относит феномен литературного заповедника к прецедентным феноменам советской культуры, поскольку «в советскую эпоху почитание избранных классиков было политикой, кампанией, обязанностью, “профессией”» [18, с. 129].

В испанском языке ближайший семантический эквивалент «заповедника» – существительное *reserva* в значении «законодательно регулируемое природное пространство для сохранения ботанических и зоологических видов» [22]. В словаре Испанской королевской академии также есть термины *reserva de la biosfera* и *reserva natural*, обозначающие отгороженные территории для сохранения экосистем, в том числе места проживания коренных народов. В португальском языке для обозначения охраняемых природных территорий используются термины *reserva natural*, *parque natural* [23, с. 591]. Таким образом, семантические поля испанской и португальской лексем не включают объекты, представляющие культурную или историческую ценность.

Для обозначения пространства, на территории которого сохраняются исторические и архитектурные памятники, служат термины *parque histórico*, *parque museo* (исп.); *parque histórico*, *parque museu* (порт.). Поэтому уже сам перевод названия повести на испанский (*La reserva nacional Pushkin* – «Национальный пушкинский заповедник») и португальский (*Parque cultural* – «Культурный парк», «Культурный заповедник») языки демонстрирует отсутствие семантического эквивалента в соответствующих языках.

Аргентинские переводчики предпочли «сузить» семантическое поле названия и ограничить его пространством пушкинского заповедника. Подобным путём пошли некоторые переводчики текста и на другие языки: на итальянском книга была опубликована под названием *Il parco di Puškin* («Парк Пушкина»), на французском – *Le domaine Pouchkine* («Владение (достояние) Пушкина»), на английском – *Pushkin Hills* («Пушкинские горы»). Бразильские же переводчики постарались эксплицировать значение лексемы «заповедник» без упоминания фигуры Пушкина, одного из главных персонажей повести.

Возможно, упоминая поэта в названии переведённого текста, переводчики стремились таким образом привлечь внимание читателей, интересующихся русской литературой и, соответственно, знакомых с именем А.С. Пушкина, тем более что, как было сказано выше, лексема «заповедник» не имеет коммуникативных эквивалентов в других языках. Однако по мере чтения повести и погружения в контекст иностранный читатель понимает сущность данного культурного явления.

Одна из важнейших задач переводчика художественного текста – сохранение авторского замысла. Сам Довлатов писал, что для него «Заповедник» не ограничивается пространством Пушкинского заповедника и служит более общей метафорой: «Россия, деревня, прощание с родиной» [17, с. 259]. Поэтому можно сказать, что бразильским переводчикам, не упоминаящим Пушкина в названии, лучше удалось передать замысел писателя. Этот же приём использовали испанские переводчики, которые перевели название повести как *Retiro* («Уединение, уединённое место»).

Рассмотрим способы создания в переводе комического эффекта на примере фрагментов, где автор актуализирует фоновые знания читателя, связанные с образом А.С. Пушкина и советским пушкинским мифом.

Один из первых знаков вездесущности Пушкина – официант с «огромными войлочными бакенбардами», который подаёт страдающему от похмелья персонажу водку в кафе на подъезде к заповеднику. Если русский читатель, хорошо знакомый с образом Пушкина, сразу считывает «пушкинский след» во внешности официанта из придорожного кафе, то иностранный читатель может не заметить эту ироническую деталь.

Испанский и португальский переводчики использовали разные стратегии в переводе данного фрагмента.

<i>Заповедник</i>	<i>Parque cultural (pt-BR)</i>	<i>La reserva nacional Pushkin (es-LA)</i>
Через минуту появился официант с громадными войлочными бакенбардами [8, с. 176].	Em um minuto, apareceu o garçom com enormes suíças de feltro [20, с. 31].	Al minuto apareció el mozo con unas enormes patillas que parecían de fieltro [19, с. 23].

В примечании к португальскому переводу переводчик указал, что это отсылка к внешности поэта, которого всегда изображали с бакенбардами. На испанском языке комментария к этому фрагменту нет, впрочем, в дальнейшем писатель описывает облик Пушкина на его официальных портретах, обращая внимание на «символический» характер его бакенбард.

Абсурдность ситуаций, связанная с гипертрофированным характером почитания поэта в заповеднике, вызывает улыбку читателя вне зависимости от знания контекста. Говоря о пушкинских бакенбардах как главном атрибуте и отличительном признаке внешности поэта, в определённый момент в юмористическом ключе Довлатов вводит читателя в курс дела, сравнивая пушкинские бакенбарды с другими условными опознавательными знаками всемирно известных фигур: с бородой Карла Маркса и лбом В.И. Ленина.

<i>Заповедник</i>	<i>Parque cultural (pt-BR)</i>	<i>La reserva nacional Pushkin (es-LA)</i>
На каждом шагу я видел изображения Пушкина. Даже возле таинственной кирпичной будочки с надписью «Огнеопасно!». Сходство исчерпывалось бакенбардами. Размеры их варьировались произвольно. Я давно заметил: у наших художников имеются любимые объекты, где нет предела размеру и вдохновению. Это в первую очередь – борода Карла Маркса и лоб Ильича... [8, с. 189]	A cada passo eu via imagens de Púchkin. Até ao lado de uma misteriosa guarita de tijolos com a placa “Inflamável!”. A semelhança limitava-se às suíças. O tamanho das suíças variava livremente. Não é de hoje que percebi: nossos artistas tem fetiches pelos quais se esforçam e se entusiasmam infinitamente. Em primeiro lugar, estão a barba de Karl Marx e a testa de Ilitch [20, с. 47].	A cada paso veía retratos de Pushkin. Hasta al lado de una misteriosa casilla de ladrillos con la inscripción ¡Inflamable! El parecido con Pushkin se limitaba a las patillas. Sus medidas variaban arbitrariamente. Hace mucho que me di cuenta de que nuestros pintores tienen ciertos objetos preferidos en los que no hay límites para su impulso e inspiración. Son, en primer lugar, la barba de Karl Marx y la frente de Lenin [19, с. 38].

Переводчик на португальский язык использовал транслитерацию для разговорного «Ильич» и отметил в комментарии, что это отчество В.И. Ленина, ставшее его прозвищем в устной речи. Переводчик на испанский предпочёл заменить незнакомую аргентинским читателям номинацию фамилией всемирно известного политического деятеля, контекстуализировав, таким образом, читателя.

Один из лейтмотивов повести – это подмена, фальшивость пушкинского мифа. Комический эффект возникает, когда выясняется, что на портрете африканского прадеда поэта изображён не известный каждому школьнику эфиоп Ганнибал, а «загоревший во время войны на юге» генерал Закомельский.

<i>Заповедник</i>	<i>Parque cultural (pt-BR)</i>	<i>La reserva nacional Pushkin (es-LA)</i>
Например, сняли портрет Ганнибала. (...) Какой-то деятель утверждает, что это не Ганнибал. Ордена, видите ли, не соответствуют. Якобы это генерал Закомельский. – Кто же это на самом деле? – И на самом деле – Закомельский. – Почему же он такой чёрный? – С азиатами воевал, на юге. Там жара. Вот он и загорел. Да и краски темнеют от времени [8, с. 181–182].	Tiraram o retrato de Gannibal. (...) Um pesquisador insiste em que não é Gannibal. Diz que as condecorações não coincidem. Diz que é o general Zakomiélski. – E quem é na verdade? – Realmente é Zakomiélski. – Mas por que ele está tão moreno? – Ele guerreava contra os asiáticos, no Sul. Lá faz calor. Então ficou moreno. As tintas também escurecem com o tempo [20, с. 38–39].	Han sacado el retrato de Gannibal. (...) Alguien afirmó que no era Gannibal. Parece que las condecoraciones no se corresponden con las verdaderas. Sería el general Zakomelski. – ¿Pero quién es realmente? – Realmente, es Zakomelski. – ¿Por qué es tan negro? – Había luchado contra los asiáticos, en el sur. Allí hace mucho calor, se habría asoleado mucho. Además, los colores del cuadro se oscurecen con el tiempo [19, с. 29–30].

В переводе данного фрагмента подмена объясняется контекстуально. И бразильский, и аргентинский переводчики сопроводили его комментарием, что речь идёт об Абраме Ганнибале, африканском прадеде поэта.

Ещё один постоянный объект авторской иронии в «Заповеднике» – это чрезмерная идеологизированность мифа. В следующем фрагменте экскурсовод заповедника трактует программное лирическое стихотворение Пушкина «Я вас любил» как остро социальное, обличающее крепостное право. Содержание стихотворения хорошо известно любому русскоязычному читателю как пример любовной лирики Пушкина.

<i>Заповедник</i>	<i>Parque cultural (pt-BR)</i>	<i>La reserva nacional Pushkin (es-LA)</i>
...Вдумайтесь, товарищи!.. «Я вас любил так искренне, так нежно...» Миру крепостнических отношений противопоставил Александр Сергеевич этот вдохновенный мир бескорыстия... [8, с. 181]	Reflitam, camaradas!... “Eu vos amei com ternura sincera...” Aleksandr Serguéievitch contrapôs ao mundo das relações escravocratas este inspirado hino altruísta... [20, с. 38]	¡Piensen, camaradas: Yo la amé tan sincera, tan tiernamente... A un mundo de relaciones de prepotencia y esclavitud Alexandr Serguéievich se enfrentó con este inspirado himno de amor desinteresado... [19, с. 29]

На португальском языке переводчик сопроводил этот фрагмент сноской с полным текстом стихотворения. Впрочем, иностранный читатель, вне зависимости от знакомства с текстом произведения, сразу подмечает иронию в подобном логическом несоответствии цитируемой строки и интерпретации экскурсовода.

Также и смерть Пушкина на дуэли экскурсовод представляет как политическое убийство. Отсутствие фоновых знаний о смерти Пушкина может помешать читателю понять авторскую иронию. Если носители русской культуры со школьной скамьи знают, что поводом для дуэли, на которой Пушкин был смертельно ранен французом Жоржем Дантесом, стала ревность поэта, то иностранные читатели, как правило, не владеют этой информацией.

<i>Заповедник</i>	<i>Parque cultural (pt-BR)</i>	<i>La reserva nacional Pushkin (es-LA)</i>
История культуры не знает события, равного по трагизму... Самодержавие рукой великосветского шкоды... [8, с. 201]	A história da cultura não conhece outro acontecimento de igual tragicidade... O czarismo pelas mãos de um jovem traveso da alta sociedade... [20, с. 63]	La historia de la cultura no conoce otro suceso más trágico que este... La autocracia, con el brazo de un pillo aristocrático... [19, с. 52]

В предисловии к бразильскому изданию вкратце изложена биография Пушкина и история возникновения и эволюции пушкинского мифа, поэтому бразильский читатель, прочитавший предисловие, способен уловить авторскую насмешку в отношении фальши «официального» пушкинского мифа. В аргентинском издании никаких пояснений относительно биографии поэта не приводится, поэтому, вероятно, слова экскурсовода не произведут комический эффект на неподготовленного читателя.

Также подвергается осмеянию бутафорский характер многих элементов в пространстве музея-заповедника. Так, в качестве иллюстрации одного из фрагментов поэмы «Руслан и Людмила» директор заповедника повесил на один из дубов цепь, создав, таким образом, отсылку к программным строкам «У лукоморья дуб зелёный, золотая цепь на дубе том».

<i>Заповедник</i>	<i>Parque cultural (pt-BR)</i>	<i>La reserva nacional Pushkin (es-LA)</i>
Дурацкие затеи товарища Гейченко. Хочет создать здесь грандиозный парк культуры и отдыха. Цепь на дерево повесил из соображений колорита [8, с. 236].	Caprichos bobos do camarada Guéitchenko. Quer fazer um parque grandioso de cultura y diversão. Colocou uma corrente numa árvore para dar um colorido local [20, с. 106].	Los estúpidos juegos del camarada Gaichenko. Quiere crear un grandioso parque de cultura y descanso. Colgó una cadena de un árbol para acentuar el color local... [19, с. 91]

Португальский переводчик оставил примечание, что С. Гейченко был директором музея-заповедника, а цепь на дереве является аллюзией к поэме Пушкина «Руслан и Людмила». В аргентинском переводе этот фрагмент идёт без комментариев.

Нередко сами персонажи повести цитируют пушкинские произведения. В отличие от клише и хорошо известных самому широкому кругу читателей крылатых выражений из текстов, входящих в школьную программу по литературе, которыми оперируют сотрудники заповедника, подобные цитаты легко могут ускользнуть от внимания носителя русской культуры, не говоря об иностранных читателях. В тексте Пушкин присутствует даже на уровне поэтики языка: фрагменты, в которых описываются пейзажи вокруг имени поэта, написаны ритмизованной прозой.

<i>Заповедник</i>	<i>Parque cultural (pt-BR)</i>	<i>La reserva nacional Pushkin (es-LA)</i>
До этого были холмы, река, просторный горизонт с неровной кромкой леса [8, с. 180].	Até ali tínhamos visto umas colinas, um riozinho, um amplo horizonte e um bosque margeando [20, с. 36].	Antes pasamos por las colinas, el río, el amplio horizonte con el borde irregular del bosque [19, с. 27].

Бразильский переводчик постарался сохранить ритмическую организацию текста этого фрагмента. В аргентинском переводе ритмическая составляющая текста сохранена не была.

5. Заключение

Как показало исследование, повесть С. Довлатова «Заповедник» – это, возможно, одно из самых сложных для понимания иностранцами произведений писателя. Оно глубоко интертекстуально, насыщено аллюзиями к ряду важнейших текстов русской культуры. Переводчику сложно донести до иностранного читателя часть заложенных автором смыслов, которые при этом легко считываются носителями русской культуры.

Перевод заглавия повести «Заповедник» усложняется отсутствием точного семантического эквивалента в испанском и португальском языках. В русском языке лексема «заповедник» имеет специфические культурные коннотации, связанные с советскими реалиями, апеллирующие к имплицитным знаниям, которые отсутствуют у носителя другой культуры. Аргентинские переводчики сузили значение до конкретного пушкинского заповедника (La reserva nacional Pushkin), тогда как бразильские подчеркнули культурный аспект без упоминания Пушкина (Parque cultural). Второй вариант расширяет объём значения лексемы «заповедник», выделяя его культурно-развлекательную сторону. А по мере чтения повести и погружения в контекст иностранный читатель понимает сущность данного культурного явления.

Перевод повести на иностранные языки усложняет также тесное переплетение в повествовании важнейших символов русской и советской культуры, без понимания и осознания которых читатель не способен понять многие шутки и уловить авторскую иронию, являющуюся неотъемлемой частью творчества писателя, на которой в том числе строится поэтика его произведений.

Анализ стратегий, предпринятых переводчиками на испанский и португальский языки, показал, что в переводе фрагментов, где на имплицитных знаниях читателя-носителя русской культуры строится юмор и комизм, оказываются наиболее эффективными приёмы контекстуализации иностранного читателя. Перевод комических и культурно насыщенных фрагментов, таких как путаница с портретом Ганнибала или идеологизированные трактовки поэтических строк, требует пояснительных комментариев. Бразильские переводчики чаще давали комментарии, вводя иностранного читателя в культурный контекст. Также эффективным приёмом является предисловие к переводу, позволяющее читателю понять культурно-исторический контекст и сущность пушкинского мифа в русской / советской картине мира.

Исследование показало, что для сохранения авторского замысла переводчики должны предоставить читателю необходимую вводную информацию, чтобы текст перевода стал понятным для носителей другого языка. Перевод культурно специфических текстов требует от переводчиков глубокого знания оригинальной культуры и разнообразия переводческих стратегий, а передача интертекстуальных связей и культурных кодов, заложенных в исходном тексте, в свою очередь, возможна через поясняющие комментарии и адаптацию.

© Ю.И. Микаэлян, 2024

Список литературы

1. Баженова Е.А. Интертекстуальность // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под Ред. М.Н. Кожинной. М.: Флинта, 2019. С. 105–109.
2. Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1989. 615 с.
3. Баймухаметова К.И. Художественный перевод как адекватная интерпретация литературного текста // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. 2018. Вып. 11 (804). С. 49–57.
4. Богданова О.В. Пушкинский и постпушкинский интертекст в повести Сергея Довлатова «Заповедник» / О.В. Богданова, Е.А. Власова // Университетский научный журнал. Серия «Филологические и исторические науки, искусствоведение». 2018. № 42. С. 15–28.
5. Бойм С. Общие места: мифология повседневной жизни. М.: НЛО, 2023. 320 с.
6. Гаспаров Б.М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. М.: НЛО, 1996. 352 с.
7. Генис А. Пушкин у Довлатова // С. Довлатов. Последняя книга. СПб.: Азбука 2012. С. 322–339.
8. Довлатов С. Заповедник // Заповедник. СПб.: Азбука, 2003. С. 173–280.
9. Загидуллина М.В. Пушкинский миф в конце XX века. Челябинск: Челяб. гос. ун-т, 2001. 245 с.
10. Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб.: «Искусство-СПб», 2010. 704 с.
11. Лошаков А.Г. Прологомены к концепции Пушкинского текста русской литературы / А.Г. Лошаков, И.А. Шушарин // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2016. № 5. С. 117–127.
12. Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. М.: Азбука-Аттикус, 2017. 591 с.
13. Мокиенко В. М. Словарь крылатых выражений Пушкина / В.М. Мокиенко, К.П. Сидоренко. СПб.: Фолио-Пресс, 1999. 752 с.
14. Набоков В.В. Пушкин, или правда и правдоподобие: Эссе // В.В. Набоков. Избранные сочинения в 3 томах. Том 2. М.: Мир книги, 2004. С. 505–518.

15. Новиков В. Пушкин. Жизнь и лира. М.: Молодая гвардия, 2022. 303 с.
16. Орлова Н.А., Петренко А.Ф. Семиотические и фольклорные модели смехового мира Сергея Довлатова. Монография / Н.А. Орлова, А.Ф. Петренко. Пятигорск: ПГЛУ, 2011. 168 с.
17. Сергей Довлатов – Игорь Ефимов. Эпистолярный роман. М.: Захаров, 2001. 462 с.
18. Сухих И.Н. Довлатов: время, место, судьба. СПб.: Пальмира, 2019. 286 с.
19. Dowlátov Sergéi. La Reserva Nacional Pushkin. Añosluz Editora: Buenos Aires, 2016. 156 p.
20. Dowlátov Serguei. Parque Cultural. Editora Kalinka: São Paulo, 2016. 168 p.
21. Young J. Sergei Dowlátov and His Narrative Masks. Evanston, Illinois: Northwestern University Press, 2009. 271 p.
22. Diccionario de la Real Academia Española [Электронный ресурс] – URL: <https://www.rae.es/> (Дата доступа: 20.09.2024).
23. Dicionário Larousse da língua portuguesa míni. – 1. ed. São Paulo: Larousse do Brasil, 2005. 838 p.

References

1. Bazhenova, E.A. Intertekstual'nost' [Intertextuality] // *Stilisticheskii entsiklopedicheskii slovar' russkogo iazyka* [Russian language stylistic encyclopedic dictionary] / Pod Red. M.N. Kozhinoi. [Ed. M. N. Kozhina] M.: Flinta, 2019. p. 105–109.
2. Barthes, R. *Izbrannye raboty: Semiotika. Poetika*. [Selected works. Semiotics. Poetics]. M.: Progress, 1989. 615 p.
3. Baimukhametova, K.I. Khudozhestvennyi perevod kak adekvatnaia interpretatsiia literaturnogo teksta [Artistic translation as an adequate interpretation of a literary text] // *Vestnik MGLU. Gumanitarnye nauki*. [MSLU Bulletin. Humanities]. 2018. Issue. 11 (804). S. 49–57.
4. Bogdanova, O.V., Vlasova, E.A. Pushkinskii i postpushkinskii intertekst v povesti Sergeia Dowlátova «Zapovednik» [Pushkin and post-Pushkin intertext in Sergei Dowlátov's novella "Pushkin Hills"] // *Universitetskii nauchnyi zhurnal. Seriya «Filologicheskie i istoricheskie nauki, iskusstvovedenie»*. [University Scientific Journal. Series "Philological and Historical Sciences, Art History"]. 2018. № 42. S. 15–28.
5. Boym, S. *Obshchie mesta: mifologiya povsednevnoi zhizni*. [Common places. Mythologies of everyday life]. M.: NLO, 2023. 320 s.
6. Gasparov, B.M. *Iazyk, pamyat', obraz. Lingvistika iazykovogo sushchestvovaniia*. [Language, memory, image. Linguistics of the language existence]. M.: NLO, 1996. 352 s.
7. Genis, A. Pushkin u Dowlátova [Pushkin at Dowlátov's] // S. Dowlátov. *Posledniaia kniga*. [The Last Book.] SPb.: Azbuka 2012. S. 322–339.
8. Dowlátov, S. Zapovednik [Pushkin Hills] // *Zapovednik* [Pushkin Hills]. SPb.: Azbuka, 2003. P. 173–280.
9. Zagidullina, M.V. *Pushkinskii mif v kontse XX veka*. [The Pushkin myth at the end of the XX century.] Chelyabinsk: Chelyab. gos. un-t, 2001. 245 s.
10. Lotman, Yu.M. *Semiosfera*. [Semiosphere]. SPb.: «Iskusstvo-SPB», 2010. 704 s.
11. Loshakov, A.G., Shusharin, I.A. Prolegomeny k kontseptsii Pushkinskogo teksta russkoi literatury [Prolegomena to the concept of Pushkin's text of Russian literature] // *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*. [Bulletin of the Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanities and Social Sciences]. 2016. № 5. S. 117–127.
12. Meletinskii, E.M. *Poetika mifa*. [Myth poetics]. M.: Azbuka-Attikus, 2017. 591 s.
13. Mokienko, V.M., Sidorenko, K.P. *Slovar' krylatykh vyrazhenii Pushkina*. [Pushkin's winged expressions dictionary] SPb.: Folio-Press, 1999. 752 s.
14. Nabokov, V.V. Pushkin, ili pravda i pravdopodobie: Esse [Pushkin, or truth and verisimilitude. An essay] // V.V. Nabokov. *Izbrannye sochineniia v 3 tomakh*. [Selected Works in 3 volumes]. Vol. 2. M.: Mir knigi, 2004. S. 505–518.
15. Novikov, V. *Pushkin. Zhizn' i lira*. [Pushkin. Life and lyre]. M.: Molodaia gvardiia, 2022. 303 s.
16. Orlova, N.A., Petrenko, A.F. *Semioticheskie i fol'klornye modeli smekhovogo mira Sergeia Dowlátova. Monografiia* [Semiotic and folklore models of Sergei Dowlátov's laughter world. Monograph]. Piatigorsk: PGLU, 2011. 168 s.
17. *Sergei Dowlátov – Igor' Efimov. Epistolarnyi roman*. [Sergei Dowlátov – Igor Efimov. Epistolary novel]. M.: Zakharov, 2001. 462 s.
18. Sukhikh, I.N. *Dowlátov: vremia, mesto, sud'ba* [Dowlátov: time, place, destiny]. SPb.: Palmira, 2019. 286 s.
19. Dowlátov, Sergéi. La Reserva Nacional Pushkin. Añosluz Editora: Buenos Aires, 2016. 156 p.
20. Dowlátov, Serguei. Parque Cultural. Editora Kalinka: São Paulo, 2016. 168 p.
21. Young, J. *Sergei Dowlátov and His Narrative Masks*. Evanston, Illinois: Northwestern University Press, 2009. 271 p.
22. Diccionario de la Real Academia Española, www.rae.es/ (Accessed 20.09.2024).
23. Dicionário Larousse da língua portuguesa míni. – 1. ed. São Paulo: Larousse do Brasil, 2005. 838 p.

Сведения об авторе:

Микаэлян Юлия Игоревна – кандидат филологических наук, доцент кафедры испанского языка МГИМО МИД РФ (Россия, г. Москва). Сфера научных интересов: лингвокультурология, семиотика культуры, художественный перевод, перевод юмора. E-mail: jmikaelyan@gmail.com.
ORCID 0009-0007-7147-8190

About the author

Yulia I. Mikaelyan, PhD, is Associate Professor of Spanish Department at MGIMO University (Moscow, Russia). Research interests: cultural linguistics, semiotics of culture, literary translation, humor translation. E-mail: jmikaelyan@gmail.com. ORCID 0009-0007-7147-8190

* * *